

ГАЛИНА НЕКРАСОВА (Сыктывкар)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНО-ЧИСЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ II ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В КОМИ ЯЗЫКЕ*

Abstract. Variation of Personal Endings of the 2nd Past Tense in Komi

In the article, features of the functioning of the person-number indicators of the 2nd and 3rd person plural of the 2nd past tense (evidential or modal perfect) in Modern Komi are considered. Material from the literary language is consistently compared with data from the dialects. The analysis shows that the variability of the person-number indicators in question is characteristic of both, dialects and the literary language. It is noticed that the formant present in most dialects is also most often used in the literary language. The general trend in the development of the endings is defined as a tendency to equalize their use in literary language and dialects.

Keywords: Komi-Zyrian dialects, verb morphology, variation of personal endings, relations between dialects and standard language.

Введение

Современный период в развитии финно-угорского языкознания характеризует рост интереса к проблемам вариативного употребления языковых единиц, имеющих сходное грамматическое значение. Объектом исследования чаще всего является именное словоизменение: анализируются вариативное употребление падежей и послелогов, а также двух и более падежей, факторы выбора вариантов и алломорфов числовых и падежных суффиксов, позиции падежного и посессивного суффиксов (Сажина 2002; Некрасова 2009; 2012; 2020; Сердобольская & Толдова 2012; Klavan & Kesküla & Ojava 2010; Klavan & Veismann 2017; и др.). Изучение грамматических вариантов, определение их количественного соотношения, что стало возможным с созданием электронных корпусов текстов, особенно актуально для определения тенденции развития языка. Соглас-

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Received 27 June 2022, accepted 7 December 2023, available online 10 June 2024.

© 2024 the Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

но теории «языкового дрейфа», сформулированной Э. Сепиром, язык движется во времени и пространстве по своему собственному течению; «индивидуальные вариации движутся в определенном направлении», предопределяемом «дрейфом» языка (Сепир 1993 : 144). Активные языковые процессы сочетаются с достаточно долгим сохранением вариантов, один из которых впоследствии успешно переживает конкуренцию с другими и постепенно становится доминирующим.

Целью исследования является определение степени вариативности показателей 2-го и 3-го лица множественного числа II прошедшего времени в современном коми языке. В этой связи ставились задачи: описать варианты лично-числовых показателей в диалектах и литературном языке, выяснить частотность употребления вариативных суффиксов в литературных письменных источниках, определить доминирующие и периферийные формы. Кроме того, предпринята попытка установить влияние диалектов на литературный язык. Статья строится так: в первой части описываются лично-числовые показатели, функционирующие в диалектах, во второй — форманты, представленные в литературном языке, что позволяет сопоставить материалы литературного языка с данными диалектов.

Источниками послужили тексты, размещенные в Корпусе коми языка (далее — ККЯ), а именно примеры из подкорпусов «Художественная проза», «Поэзия», «Газетный», «Фольклор» (обращение: июнь-июль 2021). При выборе текстов художественных произведений учитывался родной для автора диалект. Диалектный материал почерпнут из опубликованных и доступных источников. В соответствии с поставленными задачами и характером анализируемого материала в работе использован комплекс дополняющих друг друга методов и приемов исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный и количественного анализа.

Результаты и их обсуждение

Форма II прошедшего времени впервые была выделена И. А. Куратовым, в работе которого приведена ее полная лично-числовая парадигма (Куратов 1939 : 93). В последующих грамматиках коми языка II прошедшее время представлено формами 2-го и 3-го лица (Лыткин 1929 : 14; Бубрих 1949 : 123; СКЯ 220) или только формой 3-го лица (Wiedemann 1884 : 191). Устройство лично-числовой парадигмы, а также функционально-семантические особенности этой временной формы глагола подробно описаны в последней грамматике современного коми языка (ОКК 250) и в ряде работ Е. А. Цыпанова и М. Лейнонен (Цыпанов 2002; 2020 : 323—337; Лейнонен & Цыпанов 2007; Leinonen 2000). К настоящему времени можно считать общепризнанным, что II прошедшее время сформировалось на основе причастия на *-õm/-эм*, употреблявшегося в функции сказуемого, в период прапермского языка (Rédei 1988 : 388; Цыпанов 1997 : 141—142; 2020 : 326; Bartens 2000 : 202). Такое развитие формы времени обусловило особенности ее лично-числовых показателей, которые отличаются от показателей других синтетических времен. В коми языке показатели 1-го и 3-го лица II прошедшего времени совпадают, морфологически выражаются суффиксом *-а* (этимологически словообразовательный суффикс). Показателем 2-го лица единственного числа является суффикс *-ыд* (этимологи-

чески посессивный суффикс). Показателем множественного числа в формах 1-го и 3-го лица выступает суффикс *-öсь* (*-öм-а-öсь*), во 2-м лице — суффикс *-ныд* (*-öм-ныд*) (Бубрих 1949 : 123; СКЯ 220). В грамматике современного коми языка (ÖКК 250) приведены вариативные суффиксы для 2-го и 3-го лица множественного числа, лично-числовая парадигма глаголов представлена следующим образом (на примере глагола *мунны* 'идти'):

Единственное число	Множественное число
1-е лицо <i>мун-öм-а</i>	<i>мун-öм-а-öсь</i>
2-е лицо <i>мун-öм-ыд</i>	<i>мун-öм-ныд, мун-öм-ныд-öсь</i>
3-е лицо <i>мун-öм-а</i>	<i>мун-öм-а-öсь, мун-öм-ны</i>

1. Лично-числовые показатели глаголов во II прошедшем времени в коми-зырянских диалектах

Традиционно принято выделять десять коми-зырянских диалектов: верхневычегодский, верхнесыольский, вымский, ижемский, лузско-летский, нижневычегодский, печорский, присыктывкарский, среднесыольский, удорский. Фонетико-морфологические особенности территориально-языковых разновидностей коми языка описаны в отдельных монографиях, а также в обобщающих изданиях (ВВД; ВД; ВСД; ИД; ЛЛД; НВД; ПД; Попова & Сажина 2014; ПСД; ССД; УД), материал из которых используется в статье.

1.1. Показатели 2-го лица множественного числа

В большинстве коми-зырянских диалектов (лузско-летском, среднесыольском, присыктывкарском, печорском, нижневычегодском, вымском, удорском) показателем 2-го лица множественного числа является суффикс *-ныд*, в верхневычегодском диалекте функционирует вариант *-ныд/-нид*:

-ныд/-нид: печ. *Ти мун-öм-ныд* 'Вы, оказывается, ушли' (ПД 36); вым. *Ти тай кэрканыдö в у з а л-öм-ныд* 'Вы, оказывается, свой дом продали'; *Ти мун-öм-ныд* 'Вы, оказывается, ушли' (ВД 122); уд. *Кэсныттö к о л'-öм-ныд* 'Вы, оказывается, оставили клещи'; *Гол'тöг мун-öм-ныд ти* 'Вы, оказывается, ушли, не предупредив' (УД 71); лл. *Огородас абу в о л ы л л-öм-ныд* 'Вы, оказывается, на огород не приходили' (ЛЛД 82); скр. *Ти тай зэв н'ин бура мутö п о т ш-öм-ныд* 'Вы, оказывается, очень хорошо уже загородили поле' (ПСД 133); сс. *Ми волим, да ти в о д-öм-ныд н'ин вöли* 'Мы приходили, но вы, оказывается, легли уже спать' (ССД 51); вв. *Мы д з-э м-ни д йона* 'Вы, оказывается, сильно устали' (ВВД 100).

В линейной модели глагольной словоформы суффикс *-ныд/-нид* располагается непосредственно после показателя времени, он выражает значения множественности и лица.

В среднесыольском и присыктывкарском диалектах, а также в лузских говорах значения лица и числа могут выражаться дифференцированно: *-ыд* выражает значение лица, *-öс'* — значение множественности:

-ыд-öс': сс. *Тийö тай мун-öм-ыд-öс'нын* 'Вы, оказывается, уже ушли' (ССД 51); скр. *П э т-öм-ыд-öс' да вангад* 'Вы, оказывается, вышли (на улицу) и болтаете'; *Ставсö йашишктö п у з ы м т-öм-ыд-öс'*

'В ящике вы, оказывается, всё перевернули вверх дном' (ПСД 133); лл. *Кытчö л о т-ö м-ы д-ö с'* 'Куда вы на самом деле спрятали?' (ЛЛД 83).

В лузских говорах зафиксирована также комбинация суффиксов *-ныд-öс'*. В данном случае имеет место двойное морфологическое выражение значения множественности: к лично-числовому показателю *-ныд*, в котором значение лица совмещается со значением числа, добавлен суффикс множественности *-öс'*:

-ныд-öс': лл. *Воча п у к с'-ö м-н ы д-ö с'* 'Вы, оказывается, сели друг против друга' (ЛЛД 82).

В верхнесысольском и ижемском диалектах форма *-а-öс'* (*-а-ас'*) не маркирована по лицу: может употребляться для значения 2-го и 3-го лица множественного числа. Указание на лицо осуществляется с помощью существительного или личного местоимения:

-а-öс'/-а-ас': вс. *Тю тай выл' самöвар н'ин б о с' т - ö м-а-ö с'* 'Вы, оказывается, уже новый самовар купили'; *Öткод'öс' и н м-ö м-а-ö с'* *тийö кыкнаныд* 'Вы, оказывается, сошлись оба одинаковые' (ВСД 122); иж. *Ти тай о к а с'-э м-а-а с'* 'Вы, оказывается, целовались'; *Ти тай м у н-э м-а-а с' клубэ* 'Вы, оказывается, ушли в клуб' (ИД 83).

Лично-числовые показатели II прошедшего времени, распространенные в коми-зырянских диалектах, представлены в табл. 1.

1.2. Показатели 3-го лица множественного числа

В большинстве коми-зырянских диалектов в форме 3-го лица множественного числа значение лица и числа выражается дифференцированно. Суффикс множественности *-öс'*, имеющий в диалектах варианты *-эс'*, *-ас'*, *-с'*, присоединяется к форме 3-го лица единственного числа. Суффикс *-öс'* представлен в верхнесысольском, лузско-летском, присыктывкарском, среднесысольском, печорском, нижневычегодском, удорском и вымском диалектах, суффикс *-эс'* — в удорском и ижемском диалектах; вариант *-ас'* — в среднесысольском, ижемском и верхневычегодском диалектах и вариант *-с'* — в присыктывкарском, среднесысольском, лузско-летском и верхневычегодском диалектах:

-а-öс': вым. нв. скр. *мун-öм-а-öс'* 'оказывается, они ушли', *пукт-öм-а-öс'* 'оказывается, они положили' (ВД 119; НВД 48; ПСД 131); вс. *Карчи л о к т-ö м-а-ö с'* 'Оказывается, городские приехали' (ВСД 119); сс. *Вот-тö мынтыны оз вэрмыны да важ йöзтö розгаан в и л-ö м-а-ö с'* 'Рогозами раньше, оказывается, били людей, если не могли платить податей' (ССД 51); лл. (Ч.) *Пывс'антö в ö ч-ö м-а-ö с'* 'Баню, оказывается, построили' (ЛЛД 82); уд. *Дыр мыс' н'и а д д з-ö м-а-ö с'* 'Спустя продолжительное время, оказывается, нашли' (УД 72);

-а-эс': уд. *Карандыс йос в а й-ö м-а-э с'* 'Кадушку мелкой рыбы, оказывается, привезли' (УД 72); иж. *Ныа г и ж-э м-а-э с' пис'мэсэ* 'Они, оказывается, написали письмо' (ИД 83);

-а-ас': сс. *Висталöмны, тийанын пö талун опис' в ö ч-ö м-а-а с'* 'Говорят, что сегодня у вас, оказывается, сделали опись имущества' (ССД 51); иж. *Кöрийасыс д о м л-э м-а-а с'* 'Олени, оказывается, привязаны' (ИД 83); вв. *мун-эм-а-ас'* 'оказывается, они ушли' (ВВД 100);

-а-с': сс. (П.) *Йöзыс ч а т ы р т ч-ö м-а-с'*, *зэл унаан видзöдöны н'э-бэсаа* 'Оказывается, запрокинув головы, очень много людей смотрят в

небо' (ССД 51); скр. (Ш.) *мун-ёма-с'* 'оказывается, они ушли' (ПСД 131); лл. (Пр.) *Н а ч к-ём-а-с'* *барантор* 'Они барашка, оказывается, закололи' (ЛЛД 82); вв. *мун-эм-а-с'* 'оказывается, они ушли' (ВВД 100).

В лузско-летском, среднесыольском, печорском и удорском диалектах значение множественности выражается суффиксом *-ны*:

лл. *Чэриг в ай-ём-ны* 'Оказывается, рыбу привозили' (ЛЛД 82); печ. *мун-ём-ны* 'оказывается, они ушли' (ПД 37); уд. *Сы этшаа в ай-ём-ны* 'Так мало, оказывается, привезли' (УД 71); сс. *О л-ём-ны-вы-ём-ны* *важён гозъя* 'Оказывается, жили-были когда-то давно старик со старухой' (ССД 51).

В удорском диалекте параллельно с этим суффиксом спорадически используется более древний вариант, сохраняющий конечный согласный *с* (*-ныс*):

уд. (Важ.) *Вёлис ю с'-ём-ны с тшай* 'Только что, оказывается, пили чай' (УД 72).

В древнекоми языке этот суффикс был характерен для 3-го лица множественного числа всех синтетических времен глагола (Лыткин 1952 : 111—113). В ряде диалектов (верхнесыольском и ижемском) он еще сохраняется в настоящем, I будущем и I прошедшем временах (ВСД 118—119; ИД 80).

Суффиксы *-ны* и *-ныс*, выражающие число и лицо, присоединяются непосредственно к показателю времени.

Рассмотренные лично-числовые показатели глагола, которые встречаются в коми-зырянских диалектах, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели 2-го и 3-го лица множественного числа II прошедшего времени

	Вв.	Вс.	Вым.	Иж.	Лл.	Нв.	Скр.	Сс.	Печ.	Уд.
2-е лицо мн. ч.										
<i>-ныд</i>			+		+	+	+	+	+	+
<i>-нид</i>	+									
<i>-ыд-ёс'</i>					+		+	+		
<i>-ныд-ёс'</i>					+					
<i>-а-ёс'</i>		+								
<i>-а-ас'</i>				+						
3-е лицо мн. ч.										
<i>-ны</i>					+			+	+	+
<i>-ныс</i>										+
<i>-а-ёс'</i>		+	+		+	+	+	+	+	+
<i>-а-эс'</i>				+						
<i>-а-ас'</i>	+			+				+	+	
<i>-а-с'</i>	+						+	+		

Таким образом, в большинстве коми-зырянских диалектов показатель 2-го лица множественного числа представлен суффиксом *-ныд/-нид*, показатель 3-го лица — *сь*-овым суффиксом. Вариативность *-н*-овых и *-сь*-овых суффиксов характерна не для всех диалектов: в форме 2-го лица вариативные суффиксы зафиксированы в ряде контактных диалектов — лузско-летском, среднесыольском и присыктывкарском;

в форме 3-го лица — в отдельных южных (лузско-летском, среднесы-
сольском) и северных (удорском и печорском) диалектах.

2. Лично-числовые показатели глаголов во II прошедшем времени в литературном языке

В литературном языке, как и в диалектах, значение 2-го и 3-го лица множественного числа II прошедшего времени выражается вариативными суффиксами. Форма 2-го лица множественного числа представлена суффиксами *-ныд*, *-ыд-öсь* и *-ныд-öсь*, форма 3-го лица множественного числа — суффиксами *-а-öсь*, *-ны*, *-а-сь* (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Частотность употребления глаголов во 2-м лице множественного числа II прошедшего времени

Подкорпус	<i>-ныд</i>	<i>-ыд-öсь</i>	<i>-ныд-öсь</i>
Художественная проза	1678 (81,7 %)	284 (13,8%)	92 (4,5%)
Газетный	333 (99,4 %)	1 (0,3%)	1 (0,3%)
Поэзия	83 (85,6 %)	10 (10,3%)	4 (4,1%)
Фольклор (Коми йöз)	2	–	–
Всего	2096 (84, 2%)	295 (11,9%)	97 (3,9%)

Таблица 3

Частотность употребления глаголов в 3-м лице множественного числа II прошедшего времени

Подкорпус	<i>-а-öсь</i>	<i>-ны</i>	<i>-а-сь</i>
Газетный	81772 (98,34%)	1313 (1,58%)	64 (0,08%)
Художественная проза	48784 (92,9%)	3588 (6,8%)	131 (0,3%)
Поэзия	799 (58,8%)	486 (35,8%)	73 (5,4%)
Фольклор (Коми йöз)	330 (97,6%)	–	8 (2,4%)
Всего	131685 (95,9%)	5387 (3,9%)	275 (0,2%)

Как показывает материал ККЯ, в современном коми языке глагол в форме 3-го лица множественного употребительнее, чем в форме 2-го лица. Кроме того, выяснилось, что глаголы в форме 2-го лица множественного числа чаще всего используются в художественной прозе, крайне редко — в газетных текстах. Объем фольклорного материала, введенный в ККЯ, невелик, чем объясняется малое количество глаголов в форме II прошедшего времени в фольклорных текстах. Подробнее рассмотрим вариативность показателей этой формы на материале художественных и газетных текстов.

2.1. Употребление форм II прошедшего времени в газетных текстах

В настоящее время на коми языке издаются республиканская газета «Коми му», а также районные газеты в Удорском («Виль туйöд») (территория распространения удорского диалекта), Усть-Куломском («Парма гор») и Корткеросском («Звезда») районах (территория распространения верхневычегодского диалекта). В подкорпус «Газетный» включены

также примеры из журнала «Йӧлӧга», до 2020 г. газета для детей и молодежи.

Как показал поиск по ККЯ, газетные тексты содержат мало глаголов в форме 2-го лица множественного числа. Доминирует суффикс *-ныд*, единичные примеры с *-ыд-ӧсь* и *-ныд-ӧсь* обнаружены в республиканских периодических изданиях (табл. 4).

Таблица 4

Частотность употребления глаголов 2-го лица множественного числа II прошедшего времени в комиязычных газетах

Источник	<i>-ныд</i>	<i>-ыд-ӧсь</i>	<i>-ныд-ӧсь</i>
Коми му	272	–	1
Йӧлӧга	19	1	–
Парма гор	29	–	–
Выль туйӧд	13	–	–
Звезда	–	–	–
Всего	333	1	1

Форма 3-го лица множественного числа в газетных текстах представлена вариантами *-а-ӧсь*, *-ны*, *-а-сь*. В количественном отношении преобладает комбинация *-а-ӧсь*. Соотношение вариантов отличается от доминирующей тенденции в газете «Выль туйӧд», где вариант *-а-ӧсь* количественно несколько уступает суффиксу *-ны* (табл. 5). Употребление суффиксов в текстах районных газет коррелирует с диалектными особенностями их функционирования: в удорском диалекте для выражения множественного числа используются параллельно суффиксы *-ӧсь* и *-ны*, в верхневычегодском диалекте — только *сь*-овый суффикс в форме *-ась*. На основе полученных результатов можно предположить, что в удорском диалекте чаще встречается суффикс *-ны*.

Таблица 5

Употребления глаголов 3-го лица множественного числа II прошедшего времени в комиязычных газетах

Источник	<i>-а-ӧсь</i>	<i>-ны</i>	<i>-а-сь</i>
Коми му	67028	90	26
Йӧлӧга	11068	41	17
Парма гор (вв.)	1519	1	3
Звезда (вв.)	1110	–	17
Выль туйӧд (уд.)	1047	1181	1
Всего	81772	1313	64

2.2. Употребление форм II прошедшего времени в художественных текстах

В прозаических и поэтических художественных текстах показатели 2-го и 3-го лица множественного числа представлены вариативными суффиксами (табл. 6 и 7; в скобках указан диалект, родной для автора текста).

2-е лицо множественного числа выражается вариантами *-ныд*, *-ныд-ӧсь* и *-ыд-ӧсь* (табл. 6). Тексты по использованию в них суффиксов разделились на четыре группы:

- 1) тексты, в которых представлены все три форманта, доминирует суффикс *-ныд*. Авторами текстов являются носители среднесыольского (Н. Куратова), верхнесыольского (И. Торопов), ижемского диалектов (Я. Рочев);
- 2) тексты, в которых использованы все три форманта, доминирует комбинация суффиксов *-ыд-ёсь*. Авторами текстов являются носители присыктывкарского диалекта (Г. Юшков, В. Безносилов);
- 3) тексты, в которых встречаются варианты *-ныд* и *-ныд-ёсь* доминирует суффикс *-ныд*. Автором текстов является носитель нижневыхегодского диалекта (Е. Козлова);
- 4) тексты, в которых использован только суффикс *-ныд*. Авторами текстов являются носители верхневыхегодского (В. Напалков, В. Лодыгин), удорского (Ю. Васютов, А. Вурдов), лузско-летского (В. Юхнин) и печорского (И. Пыстин) диалектов.

Таблица 6

Частотность употребления глаголов 2-го лица множественного числа II прошедшего времени в художественных текстах

Автор/источник	<i>-ныд</i>	<i>-ныд-ёсь</i>	<i>-ыд-ёсь</i>
Куратова Н. (сс.)	142	22	4
Торопов И. (вс.)	73	9	13
Рочев Я. (иж.)	25	3	3
Юшков Г. (скр.)	18	3	214
Безносилов В. (скр.)	17	7	49
Козлова Е. (нв.)	17	4	–
Юхнин В. (лл.)	75	–	–
Напалков В. (вв.)	59	–	–
Пыстин И. (печ.)	33	–	–
Лодыгин В. (вв.)	19	–	–
Вурдов А. (уд.)	12	–	–
Васютов Ю. (уд.)	9	–	–
Всего	502	45	283

В трех из выделенных групп доминирует суффикс *-ныд*. Кроме того, он встречается в каждом из рассмотренных источников и в большинстве коми-зырянских диалектов. Периферийна комбинация суффиксов *-ныд-ёсь*. Если основываться на данные монографических описаний диалектов, то в середине прошлого века этот суффикс функционировал только в лузских говорах. В настоящее время, как показал поиск по ККЯ, он спорадически встречается в текстах авторов, родным для которых является среднесыольский, верхнесыольский, присыктывкарский, ижемский или нижневыхегодский диалект. Между тем в текстах В. Юхнина, родной для которого один из лузских говоров, он отсутствует. В этой связи можно предположить, что в лузских говорах доминирует суффикс *-ныд*, характерный для летских говоров. Кроме того, не исключено, что вариативные суффиксы распространены не во всех лузских говорах. Учитывая данные ККЯ, осмелимся предположить, что из вариативных суффиксов в присыктывкарском диалекте, скорее всего, доминирует *-ыд-ёсь*, более частотный в текстах Г. Юшкова и В. Безносилова, в среднесыольском —

суффикс *-ныѳ*, более частотный в текстах Н. Куратовой. Стоит обратить внимание на то, что в текстах носителей одного диалекта, использованы одни и те же глагольные формы.

Показатели 3-е лица множественного числа глагола в художественных текстах представлены в трех вариантах — *-а-ѳсь*, *-ны* и *-а-сь* (табл. 7). В зависимости от варианта суффикса они также разделились на группы:

- 1) тексты, в которых представлены все три форманта, доминирует суффикс *-а-ѳсь*. Родным диалектом авторов являются верхневыхегодский, верхнесыольский, среднесыольский, ижемский, лузско-летский, присыктывкарский и удорский диалект;
- 2) тексты, в которых обнаружены все три форманта с доминированием суффикса *-ны*. Произведения написаны А. Вурдовым, родным для которого является удорский диалект;
- 3) тексты, в которых встречаются глаголы с *-ны* и *-а-ѳсь*. Как и в первой группе, доминирует вариант *-а-ѳсь*. Авторы — носители среднесыольского (Н. Куратова), нижневыхегодского (Е. Козлова) и печорского (И. Пыстин) диалектов.

Таблица 7

Частотность употребления глаголов в форме 3-го лица множественного числа II прошедшего времени в художественных текстах

Автор/источник	<i>-а-ѳсь</i>	<i>-ны</i>	<i>-а-сь</i>
Торопов И. (вс.)	6002	506	2
Юшков Г. (скр.)	3322	18	3
Рочев Я. (иж.)	1904	6	1
Напалков В. (вв.)	1857	53	65
Юхнин В. (лл.)	1291	14	3
Безносиков В. (скр.)	1180	2	4
Васютов Ю. (уд.)	938	19	8
Лодыгин В. (вв.)	514	2	2
Вурдов А. (уд.)	261	399	7
Куратова Н. (сс.)	2157	796	–
Пыстин И. (печ.)	586	39	–
Козлова Е. (нв.)	210	6	–
Всего	20222	1860	95

В текстах каждого автора встречаются варианты *-а-ѳсь* и *-ны*, доминирует комбинация суффиксов *-а-ѳсь*, периферийной — *-а-сь*. Сопоставив данные диалектов с материалом литературного языка, можно заметить, что суффикс *-ны* используется в текстах всех авторов, независимо от их родного диалекта. На общем фоне этот суффикс чаще всего представлен в текстах авторов-носителей верхнесыольского (И. Торопов), среднесыольского (Н. Куратова) и удорского (А. Вурдов) диалектов, причем в текстах А. Вурдова в количественном отношении он преобладает над прочими вариантами, что подтверждает предположение о его доминировании в удорском диалекте, выдвинутое по результатам исследования газетных текстов. Стоит обратить внимание и на то, что в некоторых текстах частота употребления суффикса *-ны* практически не отличается от периферийной формы. Почти каждым автором использованы суф-

фиксы, характерные для литературного языка, его родного говора и других диалектов.

Заключение

Вариативность лично-числовых показателей глаголов во II прошедшем времени характерна как для диалектов, так и для литературного языка. Предпочтительны в обоих случаях суффиксы *-ныд* для формы 2-го лица и *-а-õсь* для формы 3-го лица, которые были представлены в качестве языковой нормы в первых грамматиках коми языка. Кроме суффиксов, характерных для присыктывкарского диалекта, который лег в основу литературного коми языка, в художественных текстах использованы суффиксы, характерные для других диалектов, за исключением фонетических вариантов. В одном и том же тексте может быть до трех вариантов морфологического выражения значений 2-го и 3-го лица множественного числа II прошедшего времени, выбор которых ничем не мотивируется. Такая ситуация отражает, с одной стороны, особенности диалекта, с другой, показывает его владение литературным языком. В условиях внутриязыковой интерференции (диалекты подвергаются сильному влиянию как литературного языка, так и смежных диалектов) носитель языка не всегда может дифференцировать единицы литературного языка и диалекта, чем объясняется использование различных вариантов. Соотношение вариативных суффиксов в текстах разных авторов колеблется: преимущество имеют суффиксы литературного языка, в редких случаях (характерно для отдельных авторов-носителей удорского и присыктывкарского диалектов) — для конкретного диалекта. Насколько можно судить по данным ККЯ, варианты 3-го лица получили более широкое распространение, чем варианты 2-го. Особенно заметно использование варианта *-ны*, который параллельно с комбинацией суффиксов *-а-õсь*, встречается в текстах каждого автора. Вариативность этих суффиксов является скорее следствием выравнивания по аналогии с формами 3-го лица множественного числа других синтетических времен глагола. Существование в литературном языке и диалектах сходных вариантов показателей II прошедшего времени позволяет говорить о тенденции постепенного распространения диалектных форм в литературном языке. Между тем количественный анализ вариантов позволяет констатировать, что в письменной форме коми языка устойчиво сохраняются нормы грамматического оформления глагола II прошедшего времени — суффиксы *-а-õсь* (95,9%) в 3-м лице и *-ныд* (84,2%) во 2-м лице. По результатам проведенного исследования нельзя судить о степени влияния на диалекты литературного языка, определить, насколько изменились диалекты за более чем полвека со времен их монографического описания. Тем не менее, нельзя исключать нивелирование своеобразия диалектных формантов под влиянием литературного языка.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Galina Nekrasova
Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre
E-mail: komilang@gmail.com

Сокращения

ВД — Т. И. Жилина, Вымский диалект коми языка, Сыктывкар 1998;
ВСД — Т. И. Жилина, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ККЯ** — Корпус коми языка. <http://komicorpora.ru>;
ЛЛД — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985;
ПД — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **СКЯ** — Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесысольский диалект коми языка, Москва 1980; **ОКК** — В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федюнева, Е. А. Цыпанов, О́ня коми кыв. Морфология, Сыктывкар 2000.

Диалекты коми языка: **вв.** — верхневычегодский; **вс.** — верхнесысольский; **вым.** — вымский; **иж.** — ижемский; **лл.** — лузско-летский; **нв.** — нижневычегодский; **печ.** — печорский; **скр.** — присыктывкарский; **сс.** — среднесысольский; **уд.** — удорский.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар.
Лейнонен М. & Цыпанов Е. А. 2007, Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале модального перфекта). — Эвиденциальность в языках Европы и Азии, Санкт-Петербург, 398—444.
Лыткин В. И. 1929, Коми грамматика II, Москва.
— — 1952, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь, Москва.
Некрасова Г. 2009, Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке. — LU XL, 9—22.
— — 2012, Факторы вариативности позиции морфем в морфологической структуре слова (на материале коми диалектов). — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3, 150—158.
— — 2020, Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке. — Ежегодник финно-угорских исследований. Том 14, № 1, 25—32.
Попова Р. П. & Сажина С. А. 2014, Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования), Сыктывкар.
Сажина С. А. 2002, Колебания в порядке следования притяжательных суффиксов в диалектах коми языка. — LU XXXVIII, 245—254.
Сепир Э. 1993, Избранные труды по языкознанию и культурологии, Москва.
Сердобольская Н. В. & Толдова С. Ю. 2012, Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. — Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы, Москва, 59—142.
Цыпанов Е. А. 1997, Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция, Екатеринбург.
— — 2002, К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке. — LU XXXVIII, 165—175.
— — 2020, Структура и морфологические категории глагола в коми языке, Сыктывкар.

- B a r t e n s, Raija 2000, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).
- K l a v a n, Jane & K e s k ü l a, Kaisa & O j a v a, Laura 2010, Eesti keele adessiivi ja kaassõna *peal* kasutus kahes keelelises katses. — ESA 55, 63–86.
- K l a v a n, Jane & V e i s m a n n, Ann 2017, Are Corpus-Based Predictions Mirrored in the Preferential Choices and Ratings of Native Speakers? Predicting the Alternation between the Estonian Adessive Case and the Adposition *peal* 'on'. — ESUKA 8–2, 59–91.
- L e i n o n e n, Marja 2000, Evidentiality in Komi Zyrjan. — Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages, Berlin—New York (Empirical Approaches to Language Typology 24), 419–440.
- R é d e i, Károly 1988, Geschichte der permischen Sprachen. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden—New York—København—Köln, 351–394.
- W i e d e m a n n, Ferdinand Johann 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

GALINA NEKRASSOVA (Söktövkar)

KOMI KEELE II MINEVIKU PÖÖRDELÕPPUDE VARIEERUMISEST

Artiklis vaadeldakse komi keele II mineviku mitmuse 2. ja 3. isiku pöördelõppude tarvitamist. Kirjakeele ainestikku on järjekindlalt võrreldud murrete andmestikuga. Analüüs näitab, et nii murretele kui ka kirjakeelele on iseloomulik siin käsitletud pöördelõppude varieeruvus, aga see on vähenemas.